

Алексей Бартенев

Повелитель пчел

Алексей Бартенев

Повелитель пчел

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22573141

ISBN 9785448360947

Аннотация

Рой пчел нападает на молодого пчеловода, но вместе с укусами он получает нечто большее, чем просто опухшее лицо и тело. Он получает возможность изменить свою жизнь и наполнить ее удивительными приключениями.

Содержание

1. Рождение	5
2. Ален	16
3. Риа Таббу	30
4. Спина	38
5. Майский	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Повелитель пчел

Алексей Бартенов

© Алексей Бартенов, 2018

ISBN 978-5-4483-6094-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Рождение

Это история очень похожа на сказку. А как начинаются все сказки? Однажды, давным-давно, в одном маленьком городке жил паренек. Ростом и габаритами от остальных он не отличался. Силой и ловкостью великой не обладал, умом обделен не был, хотя пользовался им не всегда. В общем, обычный средний человек. Но чтобы мы его себе хорошо представили, попробуем нарисовать.

Нарисуем молодую траву, которая растет из кочки. Тоненькие стебельки тянутся к небу, они недавно пробились, поэтому торчат в разные стороны. На вершине они выше и гуще, чем по краям. Если кочку снабдить маленькими зоркими глазками, носом и ртом, то получится как раз голова нашего героя. Конечно волосы у него не зеленые, а лицо все не серое. Однако, тело такое же, как у всех нарисованных человечков. Этаким квадрат с закругленными углами. Внутри квадрата нарисуем три точки – две сиськи и пупок. Пупок необходимо заштриховать, – это будут волосы, потому что живот у нашего героя невообразимо волосатый. Почти такой же волосатый, как и его макушка.

Из закруглений квадрата растут руки и ноги. Руки сверху, ноги снизу. С руками все понятно, если сверху, то нормальные руки. Обычные, хватательно-сгибательно-толкательные отростки, с пятью пальцами на каждой. Кстати, отрезок

от локтя и до ладони тоже нужно заштриховать, но не сильно, потому как растительность тут не такая густая как на животе.

А теперь, самое сложное: ноги. Женские ноги, мы привыкли представлять себе, как что-то красивое, ровное, прямое, теплое, светлое. Они так и манят коснуться и проверить, а правда ли они такие гладкие и приятные на ощупь как кажется. Ну, так вот, у нашего героя ноги были мужские. Сейчас объясню, что это значит. Представьте себе узловатую веревку, или ветку, которую сломали, но она срослась, или проволоку, которую вначале скрутили и завязали, а потом решили выпрямить. Мужские ноги имеют примерно такую форму. Кривые жуткие отростки, напоминающие приспособления для ходьбы, придуманные безумным ученым. Если вы нарисовали именно такие ноги нашему персонажу, то не забудьте и их заштриховать, ибо, что это за мужские ноги, без растительности на них.

А теперь давайте на секунду представим, как наш герой может двигаться. Нет, он не хромает, но походка, весьма своеобразна. Когда он идет, создается впечатление, что он находится в киселе. Движения плавные, но в то же время в них нет раздражающей медлительности. А вот почему так происходит, вы скоро узнаете.

Разгадка кроется в его работе. Дело в том, что он заклинатель полосатых мух. Свирепых и страшных насекомых, которые дают ему золотой нектар, способный исцелять кучу болезней. Как вы уже наверное догадались, он ухаживал за па-

секой. Пасекой своего отца. Что-то вроде семейного бизнеса.

В силу особенности этих пчел, он перестал делать резкие движения. Даже когда кусают. Больно, и несколько сразу. Как тибетские монахи, которые двигаются с легкостью ветра, не нарушая гармонию природы.

С утра день не предвещал ничего необычного. Если не принимать в расчет тот факт, что обычно нашего героя начинало клонить ко сну после обеда, а сегодня сразу же после завтрака. «Ну, и ладно, – думал он. – Привезу, расставлю улья, а потом и вздремнуть можно будет. Если повезет, то в моем распоряжении будет часа два или три».

После всех приготовлений он завалился в траву, положил одну руку под голову, другой прикрыл живот, и блаженно закрыл глаза. Прошло всего несколько секунд, и в его голове уже все начало растворяться. Разум нашего героя проваливался в сладкую утреннюю дрему.

Уж не знаю, думают пчелы о чем-нибудь, или нет? Что ими движет, кроме природных инстинктов? Вылетев из своих домиков, и слетав по свои пчелиным делам, вернулись они очень странными. Где их носило, и какой эльфийской пыльцы они наелись, остается загадкой. Но, увидев своего пастуха, мирно дремлющим на солнышке, вышли из состояния спокойного трудоголика, и включили боевой режим уничтожения неприятеля. Атаковать начали все, одновременно, словно выполняя чью-то неведомую команду. Подлетели, зависли, выбрали жертву, оценили обстановку и...

И вот, когда он, наш пасечник, еще не успел перешагнуть через порог в царство Морфея, когда уши слышат, а мозгу все равно, потому что он приготовился к просмотру всяких видений и миражей. Именно в это мгновение пчелиный рой и опустился на него, превратив нашего героя в серое шевелящееся пятно, лишь очертаниями напоминающее человека. Здесь, к нашему повествованию, хорошо бы добавить музыку из «Шоу Бенни Хилла», потому что происходящее дальше, не может не вызвать смех, или хотя бы улыбку. Серая клякса приняла вертикальное положение, попыталась прыжками стряхнуть с себя налипшую серость. Покрутилась, пробежалась, потом повалилась, и стала кататься по траве. Все безрезультатно. Серость, и не собиралась отставать.

Однако, комедия продолжалась недолго. Как внезапно пчелы напали на своего хозяина, так же быстро они и оставили его в покое. А он, великий пчеловод, стоял одиноко в поле, пока не начал превращаться в свирепого Халка.

Безусловно, он не позеленел, и не стал огромным как скала, но некоторые особенности этого персонажа начал приобретать уже почти сразу. Даже не особенности, а черты лица и манеру поведения. Прежде обычное лицо, сначала стало лицом тупого деревенщины, с ничего не выражающими маленькими глазками. Затем губы превратились в негритянские вывернутые губищи, а брови низко нависли над, налитыми кровью глазами. Скулы раздулись, и любой бурят теперь позавидовал бы ему. Но самое главное – шея. Шея те-

перь у нашего героя была просто огромная. Голова на ней кажется той самой кочкой с травой, с которой мы начали рисовать образ нашего пчеловода. Можно даже сказать, что шея поглотила собой огромные плечи. С остальными частями тела тоже произошло определенное волшебное превращение, но сильно заострять внимание на этом не будем. Скажем просто: все, то ли распухло, то ли надулось. Одежда пыталась удержать растущую плоть, и было похоже, что довольно тучный человек одел на себя дамские вещи неподходящего ему размера. Хотя, вернее сказать не одел, а натянул или телепортировался в них. Отчего обычная одежда, которая состояла из футболки и шорт, приобрела очертания топики и трусиков бикини. Да, в тот момент он выглядел весьма странно. Владелец огромного красного тела стоит в дамском белье, и боится пошевелиться.

«Это хорошо еще, что я в шлепках, – промелькнула в красной голове одинокая мысль. – Так, ладно, посмотрим, что эти мухи со мной сделали? – последовала за ней вторая. Тело попыталось повернуться и наклониться. Осмотр закончен, перейдем к ощупыванию. О, если я весь такой красный, то вероятно стал похож на ХЕЛЛБОЯ, а если нет, то лицо у меня должно быть какого-то другого оттенка. Осталось теперь выяснить какого. Пасечник свел глаза к красной переносице. Нос красный. «Да! Я ХЕЛЛБОЙ!» – прокричал пчеловод, и с раздутых губ срывалось только нечленораздельное звериное рычание. Однако он этого не понял. Он продолжал

кричать что-то о своем новом образе, а по округе разносилось громкое, невнятное созвучие букв, не имеющее ничего общего с человеческой речью.

А вот потом пришло осознание, что будет, если он останется таким навсегда? Как меня узнают? Стоп, если я неузнаваем, то могу быть кем угодно. И что самое интересное, у меня есть возможность начать новую жизнь, минуя детство и все стадии воспитания, но при этом обладая знаниями и всем своим опытом. И выбрать я могу как темную сторону, так и вступить в так называемую «ЛИГУ СПРАВЕДЛИВОСТИ». А где же я буду жить? Что ж, придется в качестве злобного тролля отобрать у кого-нибудь домик, где-нибудь на отшибе, в тихом уединенном месте. И убивать всех, кому не посчастливится туда забрести.

– Так, – улыбался покусанный пчеловод. – Определенно, у темной стороны есть свои плюсы.

– Но тогда это зло! – пыталась поучаствовать в рассуждениях совесть. – А быть злым плохо.

– Когда ты будешь на темной стороне, у тебя не будет совести! – шепнул в красное ухо демон, сидящий на левом плече.

Расфантазившийся мозг, перед которым теперь стояла неразрешимая дилемма, начал постепенно возвращаться в реальность посредством сигналов, поступающих от нервных окончаний.

Дело в том, что пока с раздутого тела не спеша спадала опухоль, разум был очень занят, пытаюсь представить все те

злодейства, которые мог бы совершить, если бы управлял таким удивительным телом. А вот из страны фантазий его начал вытягивать зуд, становившийся все сильнее и сильнее, и стремящийся стать нестерпимым. Должно быть, наверное, засвербело везде и сразу. И пока наш герой думал, с какого места начинать чесаться, зуд достиг максимума, и предохранитель, который есть у каждого в голове, перезагрузил содержимое черепной коробки.

Тело еще немного постояло, а через мгновение уже приняло скрючено-горизонтальное положение. Мы же себя не контролируем, когда теряем сознание. Это не то, когда ты ложишься спать. Можно лечь красиво, можно поудобней. Пчеловод просто рухнул. Вниз и в сторону. В левую сторону. В темную левую сторону. А силы зла уже начали рисовать ему красочные преступления, которые просто необходимо реализовать в реальной жизни.

Пробуждение сопровождалось жуткой головной болью и затекшими суставами. Попытка встать не принесла никаких желаемых результатов, поэтому была предпринята попытка сесть. Тоже безуспешно. «Я теперь не супергерой, я гусеница какая-то!» – размышлял вслух, покусанный пчеловод. Теперь, из положения «лежа на боку», необходимо было принять положение «навзничь». Неимоверными усилиями тело было выпрямлено, и теперь пытались разработать суставчики. На выполнение этой задачи были потрачены почти все последние силы. Когда все же неприятные ощущение

ния, кроме головной боли, остались позади, он все-таки сел. Беглый осмотр своего тела не выявил ничего. Совершенно ничего. Он встал, осмотрел себя снова, ощупал. Опять ничего. НИЧЕГО. Ни красного огромного тела, ни каких-то свидетельств, произошедшего.

– Блин, – пронеслось в голове. – Это чего, приснилось что ли?

– Да ну, нет. Не может быть. Все такое настоящее было, – он задумался.

– А, наверное, Господь увидел, что я могу стать плохим, и лишил меня дара! – продолжал мысленный диалог пчеловод.

– Я буду хорошим! – взмолился он.

– Так тебе и надо! Ты не достоин обладать суперсилой! – добавила горечи совесть.

– А если Бог тут не причем? Что, если это простое стечение обстоятельств, и сила непременно скоро появится? Просто телу необходимо адаптироваться, а мозгу перестроиться и привыкнуть. Нужно выяснить, чем кроме раздувающегося тела я теперь наделен. Если вообще наделен. На всякий случай надо пообещать, что буду супергероем, а не суперзлодеем, может это тоже как-то, и на что-то влияет.

Наступал вечер, весело проведенный день подходил к концу. Все дела были сделаны, и несостоявшийся громил, в своем прежнем облики, заходил в дом. На пороге мать отвесила звонкую затрещину:

– Зачем футболку растянул? А с шортами что? Что ты с ними сделал? – Вопросы продолжали сыпаться, и простое родительское недоумение стало перерастать в недовольство.

– Меня пчелы покусали, – начал было оправдываться сын, но внезапно появившаяся улыбка, перечеркнула всю искренность сказанного.

– Что это ты улыбаешься, а? Одежду испортил, и стоит, посмотрите на него, – не унималась мать. – Герой!

– Не герой, – поправил он. – А супергерой!

– Правильно, не герой, а геморрой! Нет, супергеморрой! – подвела жирную черту родительница. – Иди, мойся и быстро за стол. Мне завтра вставать рано.

«Значит, не померещилось! – думал он, когда мыл руки. – Значит, все было на самом деле. Но что же, все-таки было? Итак, проанализируем ситуацию. Пчелы взбесились, покусали всего. После этого я распух, и потерял сознание. С чего я вообще взял, что будет какая-то сила? На лицо было увеличение массы. А может аллергия на пчелиный яд? Так ведь не было никогда. Значит, теперь есть. Все когда-то бывает впервые. Довольно рассуждений, пора кушать и на боковую отправляться».

Но мысли даже за столом не оставляли его в покое. Потом лежа в кровати, он долго ворочался, и не мог заснуть. Пока песочный человек не взял совковую лопату, и не сыпанул от души волшебного песка.

Не всегда новый день является продолжением прошедшего, чаще всего это **НОВЫЙ** день. И единственное, что его связывает со вчерашним, это сон. Это как пробел между словами, как новый абзац. Он просто должен быть. Элемент, с которого ты начнешь и каким закончишь свой день. Бывает, проснешься ото сна, и потом ходишь как чумной, не в силах выкинуть его из головы. Но какой бы он не был, все равно выветрится, как запах. Однако бывают стойкие запахи. Очень стойкие. Спросите у любого животновода. Казалось бы, вещь постирана, продезинфицирована, а слабый, где-то там, запахок остался. И вот, животные, обладая отличным нюхом, способны различать даже не сам запах, а его оттенки в другом запахе. Так же и со снами. Они выветрились, но где-то в подсознании остался едва уловимый след этого сна. А когда на улице, или где-то еще мы видим что-то напоминающее забытое сновидение, тогда появляется дежавю. Ощущение повторения происходящего.

Вот и нашего героя не покидало гнетущее чувство, что где-то, или когда-то такое с ним уже было. Но где, и когда, он вспомнить он не мог. Прошел день, за ним другой, глобальных изменений в теле покусанного пчеловода не наблюдалось. Он уже начал было забывать о недавнем приключении, если бы не одна особенность, которая им пока остава-

лась незамеченной. Рядом с ним пчелы вели себя иначе, чем обычно. И складывалось впечатление, что они слушают, что он говорит, или какую песню мурлыкает себе под нос. Он мог отогнать их в сторону, без взмахов рук, одним взглядом. А когда он все же уловил, эту взаимосвязь между своими действиями и их поведением, то чуть не напустил в штаны от восторга. Гордый собой, и своей особенностью он теперь с раннего утра и до поздней ночи проводил время на пасеке, где следил за своими насекомыми и тренировал свои новые способности.

Честно говоря, это больше походило на баловство, потому как задания были довольно предсказуемыми: сорвать цветок, не этот, другой, поднимите меня в небо, я пошутил, сделайте ветер, меду хочу, кормите меня...

Потом он начал строить надписи и фигуры, и пиком творчества была копия самого себя из пчел. Он даже мог устраивать поединки с самим собой. Потом пошли испытания пчелиного оружия: пчелиный кулак, пчелиная бита, пинок пчелиной ногой, и много чего другого. Но самое главное: он стал относиться к ним как к части себя, он чувствовал каждую пчелку, ему было больно, когда они кого-то кусали и умирали. И чем больше их становилось, тем лучше себя чувствовал новый герой этого мира.

Ну, что ж, вот и настало время дать ему имя. Не будем выбирать пафосные громкие прозвища, назовем его просто «БИМЕН». Или «ПЧЕЛОВЕК».

2. Ален

А теперь, оставим нашего новоявленного героя со своими маленькими друзьями, и посмотрим на то место, где он живет. Это обычный мир с множеством национальностей, языков, религий, типов людей и животных. Да, это наш мир. Тот, где мы живем и сейчас. А вот на стране остановимся, и рассмотрим ее, внимательнее.

Находится она в средней полосе, и немного южнее. Зимы тут есть, но не такие суровые, как в Сибири. Хотя случается, что снега выпадает по пояс, и морозы лютуют, однако климат ближе к мягкому, чем к суровому. Итак, в принципе все представили себе просторные поля, густые леса, чистые реки, холодные в самую знойную жару. Живописные места.

А теперь представьте небольшие одноэтажные домики, похожие на детские кубики, с покатыми темными крышами. Расположены они так, как, если бы ребенок начал что-то строить из этих самых кубиков, но его периодически отвлекали, и он каждый раз начинал строить в новом месте, напрочь забывая о предыдущем строительстве. А потом он нес целую охапку кубиков, коробок и баночек, но споткнулся и рассыпал все. Примерно так, с высоты, выглядит один из нескольких районов этого маленького городка.

В одном из таких маленьких домиков и живет семья пасечника. Домик небольшой, но уютный, места хватает всем.

Есть надел земли, но он больше для удовольствия, чем с него можно было бы прокормиться. Его занимают несколько фруктовых деревьев, пара кустов смородины и крыжовника, несколько грядок зелени, и помидорки с огурцами. А еще цветы, разные и повсюду. И да, чуть не забыл, картошка. Ее немного, совсем чуть-чуть. Чтобы не покупать в межсезонье, когда старая уже очень старая, и есть ее невозможно, а молодая такая дорогая, что совершенно невкусная.

Почетное место в этом идеальном мире занимают пчелиные домики. Это многоэтажные деревянные строения. Надежные, и безусловно, самые красивые в районе. Самые красивые, потому что единственные. Были еще люди, которые пытались держать пчел, но как сказали в одном фильме: «Должен был остаться только один». Кого-то подкосила тяга к алкоголю, кого-то утомили долгие приготовления и уходаживания, кого-то просто невзлюбили пчелы. У каждого, кто оставил это занятие, были свои причины.

Вернемся к сути описания места. Люди живут натуральным хозяйством. Остальные продукты и товары приобретаются в центре. Жить там престижно, хотя и не всегда удобно. К удобствам можно отнести канализацию, водопровод, центральное отопление, близость расположения магазинов и всего такого молодежного, яркого и красивого. Обратной стороной является шум, пыль, соседи, которые находятся так близко, что от них никак не уединиться.

В центре стремятся жить молодежь, или те, кто там ра-

ботаает. Люди, узнавшие жизнь, выбирают места потише, да попроще. В общем, все как у всех, и как везде, ни больше и не меньше. Маленький городок, с численностью населения 200 – 300 тысяч душ, состоящий из нескольких районов.

Управляет всем мэр, которому подчиняются главы районов. У глав в подчинении уличкомы и домкомы. Последним никто не подчиняется, но к ним часто обращаются по спорным вопросам, или за справками. Есть, конечно, и милиция, которая следит за порядком и соблюдением законов, и школы с детскими садами, и больницы с поликлиниками и аптеками. Даже есть завод и несколько фабрик. Полно частных лавочек, которые торгуют всем подряд. Жизнь в городке кипит, и затихает только к ночи, как раз в это время выходят на улицы ночные жители – молодежь, и работники развлекательных центров. Остальные устают за день, и хотят отдохнуть перед новым днем.

Зимой, когда холодно и световой день короткий, городок затихает намного раньше, но для ночных гуляк это вовсе не препятствие. Им не страшен ни снег, ни холод, ни грязь, ни дождь. Они греются от общения друг с другом, от зажигательных историй и забавных анекдотов. Там, в этих группках людей, часто можно услышать страшные истории, про какую-нибудь ведьму, таинственные необъяснимые события, или мистическое происшествие.

Большая часть из всего пересказанного выдумка, но встречаются истории, которые происходили на самом де-

ле. В каждом районе есть несколько историй с одной и той же ведьмой. А после какого-нибудь несчастного случая, вначале все считают, что не обошлось без участия темных сил, но потом все забывается и официальная версия занимает место домыслов и догадок. Однако, в любом случае, люди чувствуют, откуда идет зло, и избегают общения с такими людьми, какими бы они милыми не казались на вид.

В том районе, где появился новый супергерой, тоже есть ведьма. По крайней мере, все так считают. Поэтому дом ее обходят стороной, а яблоки и клубнику у нее из сада, никогда по ночам не воруют. Нельзя назвать ее страшной старухой. Нет. Это женщина средних лет. Время не спеша стирает остатки былой красоты с ее лица, тело терпит определенные возрастные изменения. Волосы седеют, кожа сохнет. Но и с тем и с другим пока легко справляются косметические средства. Фигура больше имеет мальчишеские пропорции, и с возрастом, и без того небольшая жопка усыхает, а грудь тянется к земле и появляется сутулость. Обычная тетенька, каких великое множество. Выдают ее глаза. Яркие, выразительные зеленые глаза, расположение которых, а также форма бровей, придают лицу некую наивность, и схожесть со зверьком. Знаете, есть такие животные, размером со среднюю собаку, и с полосатым хвостом? Нет, не скунс. Ну, они еще жуткие попрошайки и мусорщики. Кто не догадался, подсказываю: «полоскун».

Все верно, это енот. Да, у нее енотские глаза. Не сказать,

что они ее портят, но из-за них, ее не просто воспринимать всерьез. Детские, широко распахнутые, дающие иллюзию наивности. А когда разговариваешь с ней, не закрадывается и тени подозрения, что на тебя смотрит, полная коварства, хитрая, жестокая ведьма. Ее боятся все, но случись что, не задумываясь идут к ней. Знают, она поможет. Кто с чем, у кого спина болит, а врачи не помогают, кто забеременеть не может, у кого мужа увели, кто-то запоями страдает. Со всякими просьбами идут, и каждый находит успокоение, и уходит исцеленный, но все как один, боятся идти к ней снова, и где-то в глубине души, жалеют о содеянном. Потому что с темными силами связались, потому что заплатить придется, и цена у каждого своя будет.

Ведьма носит имя Ален. Ударение на «А». Но за глаза ее называют Лен, или Баба Тлен. После обеда она любит прогуляться по тихим, спокойным улочкам своего района, или съездить в центр, за чем-нибудь. Живет она одна, но ее домик в прекрасном состоянии. И это несмотря на то, что в нем не хватает мужской руки. Снаружи на участке все цветет и плодоносит. И не сказать, что Тлен много времени тратит, занимаясь земляными работами. А сорняков на участке нет. И урожай всегда богатый. Сразу видно, что не обошлось без помощи темных сил.

Бимен продолжал свои, так называемые тренировки, втайне ото всех, хотя его страшно подмывало похвастаться кому-нибудь, и продемонстрировать мастерство настоящего пчеловода. Но он держался, понимая, что не сможет помогать людям в открытую, за него это будут делать пчелы. А ведь большинство боится пчел. Все знают об их особенности жалить только один раз в жизни, но осознают это не многие.

К тому же, времени для тренировок становилось все меньше и меньше. На пороге стоял август, теплое время года скоро должно было смениться противной осенней слякотью, а потом и вовсе уступить зиме с ее отрицательной температурой. Пчелы относятся к тому отряду насекомых, которые предпочитают выспаться, как следует зимой, чтоб потом все лето трудиться. И им необходимо создать все условия для спячки. А если их количество увеличилось в несколько раз, то настроить пчеложитий, специально сконструированных для этого. Можно было купить уже готовые ульи, благо денег теперь хватало – медобизнес пошел в гору. И мед был любой, какой хочешь и сколько пожелаешь. Но наш супергерой хотел сам построить домики своим новым друзьям. И помощников у него теперь было предостаточно.

Вечерами, запираясь в сарае, он вместе с ними занимал-

ся строительством и изготовлением, а если кто-то входил, то пчелы молниеносно улетали под потолок или принимали форму плаката, наклеенного на стене, бывало что маскировались под мебель или какой-то инструмент. Нет, сами они фантазию не проявляли, просто принимали ту форму, которую им рисовал в своем воображении их командир. Случались и конфузы, когда управляющий терял контроль, и плакат начинал расползаться. Но пока это оставалось незамеченным.

В один из таких вечеров, когда были израсходованы все гвоздики, и пока еще не закрылись магазины, оседлав свой многострадальный велосипед, повелитель полосатых мух отправился за покупками. Путь его пролегал неподалеку от места жительства Бабы Тлен. «Туда» получилось доехать быстро и по делу, а вот «обратно», с приключениями. Точнее с одним небольшим приключением.

Днем ведьму не покидало ощущение чего-то не сделанного, и она решила проверить состояние своего чердака. Нет, не головного мозга, а помещения под крышей дома. Ей казалось, что пыль и пауки берутся именно оттуда. И поскольку она туда давно не залезала, решено было посетить этот уголок забвения. Когда инспекция уже подходила к концу, под самым коньком, возле трубы, она обнаружила некое сфе-

рическое образование, походившее на старый футбольный мяч. Тлен приблизилась, насколько это возможно, и стала рассматривать это нечто. Сейчас ей хорошо стал слышен низкий пугающий гул. А когда наружу выползло черно-желтое, длинноногое, с узкими крылышками насекомое, в животе у гостыи чердака похолодело. «Осиное гнездо», – догадалась Ален. Она спустилась вниз, и принялась расхаживать по комнатам, и рассуждать.

Какое оно большое! Наверняка внутри полно злобных ос. Надо что-то предпринять, а то, не дай Бог, еще в дом проберутся! Бегай потом за ними с мухобойкой! Если пчел окуривают, и они засыпают, можно ли так же поступить с другими насекомыми? Рисковать не будем. Пожар в доме будет явно лишним. Где-то был спрей от мух, клещей, и прочей гадости. Где-то в прихожей. О! Нашла. Что же тут написано про ос? Ничего-с. Так, зимой все насекомые засыпают, значит нужно их охладить. Но как? Будешь на них дуть – проснутся. Подождать до осени? Нет, опасное соседство меня не устраивает.

«Придумала!» – вдруг произнесла она вслух, и отправилась на кухню. Из ящика стола она достала черный мусорный пакет, засунула его в карман халата, взяла маленькую стремянку, и снова полезла на чердак. Идея заключалась в одевании черного мусорного пакета на гнездо, и затягивании веревки. По такому принципу иногда удаляют бородавки или родинки. Обвязывают ниткой и потихоньку затягивают, перерезая шейку. Расчет был верен на сто процентов. Пакет

плотный, выход в гнезде снизу, даже если кто и вылезет, все равно останется в пакете, затянутая веревка отрежет путь к свободе навсегда.

Сложнее было поставить ровно стремянку, чем упаковать улей в пакет. Операция заняла несколько секунд. Однако теперь стояла задача избавиться от жутких насекомых. Аккуратно, чтоб не повредить пакет, она несла его на вытянутой руке, инстинктивно держа подальше от себя опасный сверток, который уже начал оживать. Ей хотелось бросить его и убежать, но нужно придумать, что делать дальше с этой опасной штукой. Нет ничего хуже скоропалительных решений, страх не только сковывал движения, но и затормаживал работу мозга. Тлен свободной рукой взяла металлическое ведро, не спеша дошла до начала огорода, и, положив пакет на землю, накрыла его сверху. Потом начала оглядываться в поисках чего-нибудь тяжелого, чтобы положить сверху, и придавить. Не найдя ничего подходящего, она глубже вкрутила ведро в землю. Постояла так некоторое время, глядя на проделанную работу, кивнула, и довольная собой развернулась и уже собиралась уходить, как путь ей преградила та самая оса, которая вылезла из гнезда еще под крышей, на чердаке. Все это время она следила за манипуляциями ведьмы, и ждала подходящей минуты, что бы спросить: «А что это ты делаешь с моим домом? И почему из-под ведра слышатся возмущенные голоса моих сестер?»

Казалось, вокруг все замерло, оса глядела на человека

и ждала когда напасть, а человек думал, что, может, все обойдется и оса не нападет. Наивный человечиска. Подсознательно мы знаем, что ничего хорошего уже не случится, но в детстве, рассказывая сказки, нас научили верить в чудеса. И мы думаем, что в этот раз все пойдет не так, что сегодня точно повезет.

Оса на мгновение качнулась назад, словно отступая, а потом нанесла удар в переносицу. Все произошло неожиданно, Алэн отшатнулась, и сделала шаг назад. В реальность ее вернул звук опрокинутого ведра, который не возможно спутать с другим звуком. В животе снова похолодело, и казалось, что ноги отнялись. А когда она почувствовала первый укус, то мигом протрезвела, заорала, заохала, замахала руками, и высоко поднимая колени, побежала, куда глаза глядят. Осы вылезали из дыры в пакете, которая появилась от вращения ведра, медленно поднимались в воздух, а потом, найдя обидчика, устремлялись в атаку.

Проезжая на своем стальном коне, педального привода, мимо дома местной ведьмы, до ушей Бимена долетел непонятный звук, похожий на бормотание, вперемежку с оханьем, и всхлипыванием. Машинально, повернув голову на звук, он увидел бодро скачущую Бабу Тлен, отчаянно размахивающую руками. «Пчелы» – подумал он, но через

мгновение понял, что это кто-то неуправляемый, кто-то жестокий и бесстрашный. Полосатые пираты. Осы

Верные друзья, которые постоянно следовали за нашим героем, уже получили команду, и начали оттеснять ос от их жертвы. Ален на секунду почувствовала облегчение и огляделась по сторонам. Она увидела за калиткой велосипедиста, и стала звать его на помощь. Но он почему-то стоял и смотрел на нее стеклянными глазами. И мало того, что ничего не делал, он и не собирался вот-то делать. В ней начинала закипать слепая ярость: «Я, значит в беде, а этот молокосос стоит и смотрит, вместо того что бы помочь бедной женщине. Я тобой еще займусь, приползешь ко мне еще, а я буду стоять, и смотреть, как ты корчиться будешь». Из мечтательного состояния ее вывели новые укусы, но эти были какие-то другие, судя по ощущениям. Пчеловек даже не успел сообразить, когда пчелы окончательно оттеснили ос, и начали сами нападать на беззащитную тетку. Хотя понял почему. Он поймал, полный безмолвной злобы, взгляд, ее зеленых глаз. «Наверное, пчелы что-то недоброе почувствовали» – промелькнула догадка.

Пожалуй, слишком подозрительно будет, если мои друзья сейчас все улетят. Надо погонять их для виду. Он бросил велосипед, перемахнул через забор, и принялся размахивать руками вокруг спасенной. «Кыш! Кыш! Пошли отсюда!» – для пущей остротки кричал супергерой, гордый тем, как ловко он всех провел. Только вот искренней благодарности

он от нее не услышал. А в глазах Тлен читалась все та же ненависть.

– Ой, спасибо, ой спасибо! Да дай Бог тебе здоровья! Я бы без тебя пропала! – говорила тетушка Алэн, а сама думала о другом. – Стоял и ждал, когда сами разлетятся. Ну, ничего, ничего, я с тобой потом поквитаюсь.

Спустя некоторое время, она смотрела на удаляющуюся спину, и губы ее беззвучно шевелились. Так происходило всегда, когда внутри злоба. Нужно ее передать, чтобы не заболеть самой. Ну и на кого посмотрит в этот миг ведьма, тот и сляжет, с какой-нибудь хворью. Насколько тяжело, зависит от проклятий, которые сыплются с ее губ. А вот, что там шепчут губы, она не контролировала.

Этот дар ей передала ссохшаяся старушка, на базарной площади. Просто подошла к ней, когда Тлен с родителями что-то покупали, готовясь к школе. Взяла ее за запястье, заглянула в душу своими прозрачными голубыми глазами, и спросила:

– Хочешь я тебе что-то дам, девочка? То, что будет с тобой всю жизнь, что-то волшебное, и могущественное?

– Давай! – Сказала маленькая Алэн, и в глубине ее души поселилось черное семя, которое проросло уже через несколько месяцев.

Родители окликнули свою дочь, и она повернулась на зов. Всего на секунду, чтобы потом вернуться обратно. Ей не хотелось расставаться с интересной старушкой, но та уже ис-

чезла, будто и не было ее вовсе. Только запястье пока еще хранило тепло сухих пальцев старухи, да глаза такими наивно детскими и остались на всю жизнь, не тускнели с возрастом, как у всех людей, не выгорали, а оставались ясными и чистыми.

Первой жертвой Ален стал старый пес, который жил во дворе, в своей старой будке. Он выскочил навстречу юной хозяйке, а она, не ожидая этого, споткнулась и больно ушибла коленку. Ни звука не произнесла девочка, когда впервые посмотрела на собаку не так как раньше, а взглядом, полным злобы. И протянул он после этого около недели. А она, ни сколько не жалела о том, что животное сдохло.

Когда она смотрела так на кого-то, то мысленно прощалась, а потом когда они приходили к ней за помощью, искренне удивлялась, что они еще живы. И тогда приходилось переводить проклятье на кого-то другого. Но грех за это ложился на ту душу, которая обратилась к ведьме. Переводить, или переключать ее научила одна подруга, с которой они познакомились в летнем лагере. Она была старше ее лет на пять, но как говорят «рыбак рыбака видит издалека», так и старшая ведьма без труда определила среди остальных, особенную девочку. Она подошла к ней и прямо спросила:

– Ты знаешь, что ты ведьма?

– Такая же, как ты? – ответила вопросом на вопрос Ален.

– Я – Риа Таббу. Можно просто Риа.

– А я – Ален. Но, если честно, я думала что одна такая.

– Нет, нас много. Я вот уже научилась кое-чему, а ты пока еще ничего не знаешь, да?

– Как это не знаю? Оно само все получается.

– Глупенькая! Пойдем, я покажу, где живу.

И Риа взяла Ален за руку и повела показывать расположение своего блока. Потом, они уже не расставались на протяжении всей смены. Это была последняя смена для старшей из них, но их дружба продолжилась, и они часто еще встречались потом.

Риа жила в центре. Ей там нравилось. Куча народу, а всем на всех наплевать. Вот где раздолье для ведьмы. А, повзрослев, она открыла свой спиритический салон. И вслед за этим пришли признание, деньги, власть, и страх окружающих. Больше всего Ри нравилась власть.

3. Риа Таббу

В центре города, в семье инженера, росла маленькая девочка. Веселая и болтливая. Такая румяная, толстопятая и щекастая, что кажется, сошла со страниц рекламных буклетов. Имя ей дали при рождении Риа. Хотя оно сразу же укоротилось и стало ласковым Ри. Именно так ее все и звали. Ребенок купался в родительской любви и не знал ни печали, ни хлопот. Не знала до того времени, пока не пошла в школу. Этот первый ее институт жизни, так поменял сознание девочки, что даже родители через три года перестали узнавать в замкнутой, нелюдимой отличнице-зубрилке, свою не по годам рано, взрослеющую дочь. Она хотела быть первой во всем, и для этого ей приходилось заучивать те предметы, которые она не понимала. Времени на дружбу оставалось все меньше и меньше, и вскоре, этот рудимент был вычеркнут из ее жизни вообще. Осанка девочки стала меняться, она сутулилась. Родители пытались бороться с этим недугом с помощью специальных корсетов и ремешков, и не сказать что безрезультатно, но сидячий образ жизни наложил на ее внешность свой характерный отпечаток. Ситуацию немного поправила выросшая большая грудь, но все портили детские тонкие ножки. Многие считали это достоинством. «Ри, – говорили они. – Мне бы твои ноги». Но большое впечатление на окружающих производила именно грудь, и с правиль-

но подобранной юбкой, Риа выглядела довольно аппетитно, но все это продолжалось не долго. Всем известно, что «бабий век короток». Перешагнув тридцатилетний рубеж, возраст взялся за дело, и начал перекраивать интересную женскую фигуру по своему усмотрению. Словно работая с пластилином, он что-то увеличивал, что-то вдавливал, что-то растягивал.

Но это все было потом, а сейчас девочка становилась подростком, и лет так в тринадцать, в ее мировосприятии опять что-то меняется. Она уже не хочет быть отличницей, ей нравится мужское внимание. То, как парни смотрят на нее. «Вот где власть, – думает Ри. – Настоящая власть». Школа оказывается заброшенной, и хорошие оценки ей ставят только из-за заслуг прошлого. Появляется окружение, состоящее из той молодежи, которая любит веселиться, и быть в центре внимания. Риа вписывается туда идеально, появляется гордая осанка и холод во взгляде.

В один из вечеров девчонки собираются погадать, но не в святки, или на картах, а съездить к одной ведьме. Поговаривали, что она знает все, и про всех. Эта встреча изменила мир молоденькой Риа Таббу навсегда. Она поняла, что властью молодости и красоты многого не добьешься, и уговаривает ведьму взять ее в ученицы. Та, видя колоссальный потенциал четырнадцатилетнего подростка, решает попробовать.

Не знаю, чему старуха научила ее, но уже через год, в лет-

нем лагере, повстречавшись, с совсем юной Алэн, она без труда смогла распознать в ней соратницу по интересам. Их общение с этого момента, не прекращалось никогда. Это была настоящая женская дружба, которая только может быть у двух девушек, или женщин.

Они никогда не делили парней, и уж тем более ими не хвастались. Им всегда было о чем поговорить и без этого. А черствеющие молодые сердца все меньше и меньше могли кому-то подарить свою любовь. Со временем обе поняли, что семейная жизнь не для них, что не могут они принять человека таким, каким сделал его Господь, что они не привыкли и не хотят в чем-то себя ограничивать. А после сорока мысли о второй половине окончательно покинули их головы.

Встречались две подруги в центре. Или у Риа, или неподалеку в кафе, если, конечно, погода располагала. К Алэн они не ездили никогда.

– Что там у тебя делать? Комаров кормить, да в грязи копать?

– Ри, ты так говоришь, будто я в глуши живу за полярным кругом. И добраться до меня можно вертолетом или на собаках ездовых. А между прочим, расстояние от твоего дома до моего меньше двадцати километров.

– И не уговаривай меня лететь к тебе на другую планету. Вдруг, заразу какую подхвачу, не ровен час. Нет, и точка. Все, разговор закрыт. Поднимем эту тему через месяц, а лучше в следующем году!

В этот раз они договорились встретиться у Риа дома. Разговаривая вечером по телефону, она с трудом узнала Ален. Что-то было не так с ее речью, то ли она стала картавить, то ли шепелявить. Ри предложила посидеть, в недавно открывшейся кофейне с летней площадкой, но подруга сказала что лучше теплой домашней обстановки нет ничего. Беседа была короткой, как официальный доклад, чем даже немного озадачила Риа. Но, сомнения, какими бы подозрительными они не были, легко смыла душевая вода. А горячий чай, подготовил тело ко сну.

Всегда когда они встречались, спиритический салон закрывался, а работа откладывалась на другое время. Специально нанятая девочка продолжала принимать звонки клиентов, но сам магистр магии и колдовства посвящал всю себя, единственной подруге. Обычно Ален появлялась около полудня. Исключением не стал и этот день. Только реакция хозяйки дома была, до смешного странная, не такая как всегда. Она стояла на пороге, открыв дверь в пригласительном жесте, с вытаращенными глазами и отвисшей челюстью.

– Кто? – только и смогла выдать она из себя.

– Осы! – ответили распухшие губы гости. – Отойди! Не бойся, не заразно, – продолжила она, и протиснувшись между тяжелой дверью и такой же тяжелой грудью хозяйки дома, проникла в дом.

– И ты все еще не оставляешь попытки затащить меня к себе в глухомань? – начала приходить в себя Риа. – Я вижу,

как там здорово. Ты вся светишься от счастья, да что там светишься, тебя просто распирает изнутри. Особенно расперло тебя в области носа, верхней губы, левого глаза, и я подозреваю еще кучи мест, спрятанных под одеждой. Ты в курсе, что стала похожей на одного из этих, как их... – она защелкала пальцами, пытаясь вспомнить. – Ну желтые и яйцеголовые... придурашные мультики... паказывают по идиотскому каналу... Мосинсы... нет... Сименсы... Ты как Симперсоны. Да, ты как Симпсоны!

– И кого именно из них, по-твоему, я напоминаю? – начала растягиваться в улыбке уголки губ Ален.

– Да по-моему, всех сразу! – уже не могла сдержатъ смех Риа. – Чай то пить сможешь, пельменями своими? А можно я тебя сфоткаю? – смеялась в голос подруга. – Вот повеселила, так повеселила.

Насмеявшись чуть ли не до икоты, и попив чая, с привезенным ею тортиком, Ален рассказала, что случилось. Со всеми подробностями, и не забыв упомянуть о паренъке, который делал вид что помогает.

– Теперь к нам скоро придет. Как остальные приходят. Не нравится он мне.

– Может, испугался просто, потому и стоял у калитки, как ты говоришь.

– Тут другое. Он, то ли знал, то ли видел что-то. Он же сын пасечника, значит, разбирается в этих кусачих тварях. Говорю тебе, он мог помочь, или как-то предотвратить, то,

что случилось. Они же целыми роями управляют.

– Управляют, насмешила... они дают пчелам домики, а за это забирают у них мед. Труд пчеловода тяжел и опасен, но в одном ты права на сто процентов: в этих насекомых они разбираются лучше всякого ученого-энтомолога.

– Я тебя хотела попросить, Ри, если он, или его родственники к тебе придут, за помощью, ты не отпускай его. Поработай чуть-чуть, подинамай, денег насоси сколько хочешь, а потом ко мне отправь. Хочу поквитаться. Деньги себе оставь, у медоносов их можно прилично накачать, а с мальчишкой я бы хотела до конца позабавиться, сама. В душу запал мне он. Вот как сейчас вижу: стоит, улыбка блуждает на губах, едва заметная, и смотрит сквозь меня.

– А с чего ты взяла, что прийти должен?

– Да слово я волшебное в спину ему сказала. Так что придет, скоро придет. Я же тебя никогда не обманывала, я свои губы знаю. С этим проклятьем тебе ни за что не справиться, можешь даже не пытаться.

– Да не собираюсь я с твоими клиентами возиться, придут – к тебе отправлю.

– Нет! Говорю ж тебе, ты покружи его, для лучшего эффекта, а потом, когда отчается совсем, вот тогда, ко мне отсылай. Помнишь, как мы с мужиком тем сделали, который в лифт вместе с нами зашел, и перднул, скотина. Ты тогда, по-моему, неплохо на нем заработала.

– А, этот толстожопый кретин с третьего этажа? Как

не помнить, я с его денег всю квартиру отремонтировала.

– А уж как я душу отвела! Щн у меня кошачье дерьмо ел, даже кота себе завел, чтоб не искать по песочницам лекарства свои. Так и умер небось, с дерьмом во рту. Свиньей был, как свинья и сдох.

– Слушай, я сколько у тебя спрашивала, все равно не понимаю, чего ты деньги с них не тянешь? Это же власть какая, все купить можно, все перед тобой стелются, готовы ноги тебе целовать.

– Мне хватает, что меня боятся. А деньги? У меня и без денег все есть. Мы ж с тобой пенсию мне оформили почти депутатскую. А больше денег ни к чему. Езжу я только к тебе, кормишь ты меня бесплатно, что в доме сломается, так у меня весь поселок в должниках ходит. Страх, вот мои деньги, ужас, который я вселяю в людей, вот настоящая власть.

– А если бояться тебя перестанут, что тогда делать будешь?

– К тебе перееду. Тебя пугать начну.

– А я тебя.

– Так и будем сидеть, трястись от страха.

– Вначале от страха, потом от Паркинсона.

День подходил к концу, подруги вызвали такси, и теперь стоя на улице, наслаждались летним вечером. Риа курила, вдыхая аромат дорогого табака.

– Будешь? – Спросила она, протягивая сигарету.

– Нет, пока не хочу... Ты же знаешь, я только когда выпью

позволяю себе расслабиться.

– Чай не считается?

– Ты еще скажи, что торт с коньяком был! – Ален посмотрела на протянутую сигарету. – Ладно, давай.

– Это настоящий, французский табак. Контрабандой возят.

– Слушай, я наверное, посажу свой, – сказала гостья, затягиваясь. Она набрала полную грудь воздуха, запрокинула голову, и не спеша, выпустила дым в небо. – Соберу урожай, высушу, и к тебе с этим мешком. Сядем на балконе, раскурим по трубке...

– Когда заедешь в следующий раз? На будущей неделе? Или дела какие, и позже увидимся?

– Да не знаю пока, дай в себя прийти. Созвонимся тогда. О, а вот и машина. Давай, никого не бойся. Береги себя.

Дверь автомобиля хлопнула, на земле дымился скуренный наполовину окуроч, Риа сделала последнюю затяжку, и помахала вслед отъезжающему такси.

– И ты себя береги, Ален. – Сказала она уже про себя и, повернувшись, зашагала к подъезду.

4. Спина

Пчеловод крутил педали, велосипед набирал скорость. Нужно успеть добраться домой до темноты. Эта история с осами немного сдвинула график запланированных работ, а ведь пчелкам уже пора спать. «Хорошо, что я куртку одел, – думал он. – Холодает. Так ведь и простыть не долго! Мед он конечно целебный, даже если его есть каждое утро, но искушать судьбу будет лишним. Поэтому даже легкая ветровка спасет мое великолепное, тренированное тело от возможного переохлаждения». А если это любимая, серая с грязно-желтыми полосками курточка, с которой связано много приятных воспоминаний, то путешествие будет приятно вдвойне.

Его трудолюбивые друзья отчасти сидели на спине, отчасти летели неподалеку. Он чувствовал, что насекомые стали какими-то медленными, вялыми. Устали, наверное, спать хотят, да и прохладно стало как то, ну ничего, сейчас приедем и по домам. Вы к себе, я к себе. Он, конечно, заметил что, что-то изменилось, но не мог понять что. Приехав, закатил велик в сарай, там же повесил куртку, бросил на верстак гвозди, только что купленные в магазине, и пошел спать. Какая-то усталость наваливалась на плечи, ощущалась та же вялость, как и у пчел. Наверное, стресс – думал он, проваливаясь в глубокий сон.

Снилась, какая-то чушь про заразу, которую он подхватил, где-то, из-за этого он вначале руку потерял, потом ногу, а болезнь продолжала распространяться, и скоро последствия могли стать необратимыми. Но он принял чудодейственную сыворотку, которую ему продал какой-то долговязый доктор с бородкой, и в очках без оправы, а вместо утраченных частей тела смастерил протезы. Правда, так и не научился ими пользоваться, они его не слушались, зато выглядели довольно угрожающе.

Проснулся не выспавшимся, голодным, и с плохим настроением, будто что-то болит внутри, или какое неудобство, а в чем причина, неизвестно. Позавтракал, без аппетита, «Ну, – думает. – Сейчас пойду в сарай. Там за работой и настроение придет в норму, а потом видно будет». Вышел из дома, постоял на крыльце, вернулся обратно. «Зачем вернулся? – не мог понять. Быстрым шагом пошел в сарай, в голове каша... овсяная. Нет, совсем ничего не соображаю, будто что-то забыл, или не одел, или чего-то не хватает... Он огляделся по сторонам, прислушался, затаился и pokrutil головой. Слышно было, как хрустят шейные позвонки, но шума, к которому он уже привык, не было. Так, где же вы? Маленькие помощники. Хуже всего, что он не только их не слышал, но и не чувствовал. Почти. По сравнению с тем количеством, витавшим обычно рядом с ним, несколько пчелок, которые кружились где то на огороде, те, которые занимались обычной своей работой, были замечены не сразу. Па-

ренок выскочил во двор, и мысленно позвал их. Они не заставили себя долго ждать, и тут же прилетели, но приближаться не стали, будто бы от их хозяина не очень хорошо пахло. Он собрался и позвал остальных пчел, спустя какое-то время возле него их кружилось около десятка. Остальных не было.

– Где? Кто?

– Да нет, КТО тут не причем. Надо выяснить, ЧТО случилось. Вернемся к вчерашнему дню. Мы вместе работали, потом я поехал в магазин, потом битва с осами.

– Может эти пираты чем-то им навредили? Но чем... Покусать их не могли... Нет, что-то еще было вчера.

– А что еще было? Путь домой, пчелы рядом, уже какие-то не такие. Точно, замерзли, наверное. Вчера же прохладно было.

Во время мысленных рассуждений молодой пасечник не стоял на месте, а сделал несколько кругов по двору, и забрел в сарай. Мысленный диалог запнулся, от того что взгляд упал на куртку, висевшую на топоре, воткнутом в бревно. Оно использовалось как держатель для инструмента, и стояло посреди сарая, подпирая центральную балку потолочного перекрытия. Спина куртки была не серо-желтая, а блестяще-черная. В голове крутился рой мыслей, больше напоминающий бурю эмоций. Подчиняясь больше любопытству и желанию рассмотреть то, во что он, вчера вляпался, чем рассудительности и здравомыслию, он приближался к непонятной субстанции, налипшей на куртку. Шаг, еще один, вот

уже видно, что черная масса состоит из каких-то капелек. Еще шаг – нет, не капельки, какие-то жуки. Снова движение вперед – жуки с крыльями. Мозг давал подсказки, но рассудок отказывался верить. Что это за такие большие муравьи с крылышками... Не, не муравьи. Глаза разглядели закопченные пчелиные маленькие тела. Тельца. Тысячи. Ресницы моргнули, и глаза увидели кучу таких же под столбом, целую гору. В воображении всплыла картина известного художника «Апофеоз войны», но вместо черепов тут была другая гора тел. Вроде как обожженных, но крылья целые.

– Но почему? Как так случилось? Я ж вроде ничего плохого не делал.

– Я не делал.

– Тогда кто сделал?

Сразу вспомнилось как вчера, спасенная Ален смотрела на него, и как после этого взгляда пчелки стали ее жалить, защищая его, и не жалея своих жизней.

– Вот в чем дело... они спасли меня. Проклятая ведьма, гадостей мне в спину наговорила, или ядом плюнула.

– Да не учла, что на куртке целый рой сидел. Или не увидела. Смеркалось ведь уже. Что ж повезло. Крупно повезло. Хотя нет, это малышам моим спасибо сказать надо. Чувствуют они зло. Чувствовали.

В сарае появился черный пакет, веник, совок. Любимая куртка больше не приносила радости, поэтому легла на дно первой, почти вся сверху она оказалась засыпанной черными

маленькими трупиками работающих насекомых.

На пасеке был объявлен траур. Практически все поголовье пало, защищая своего хозяина. Необходимо было найти новых друзей. До зимы времени оставалось все меньше и меньше. Можно конечно наворовать несколько семей у других пасечников, живущих в других районах, но совесть не позволяла это сделать.

– Надо отправляться за дикими пчелами. Я то, теперь их чувствую и слышу, значит должен управиться дня за два. Что ж, попробуем! – сказал он вслух, и пошел готовиться к путешествию.

Собрать все необходимое оказалось гораздо легче, чем уговорить мать. Она никак не соглашалась отпустить его в путешествие сегодня. В конце концов они договорились на начало следующей недели.

В оговоренный день, старенький автомобиль, специально переделанный для нужд пчеловодов, распахнул свою дверь, и впустил внутрь будущего путешественника. Он словно ждал своего часа, и завелся, как говориться «с пол-оборота». Бимен подождал, пока температура, не достигнет необходимой величины, выжал сцепление, включил заднюю передачу, и не спеша выкатился из гаража. Заглушил двигатель, посидел молча, глядя через руль, затем открыл дверь и пошел в дом за вещами.

Мать умудрилась приготовить в дорогу целый пакет еды, немного денег, и каких-то вещей, по ее мнению просто необ-

ходимых. Когда он выходил на улицу, она украдкой перекрестила ему спину: «Езжай с Богом, сынок, возвращайся скорей!»

5. Майский

Автомобиль двигался в сторону объездной дороги, водитель хоть и не решил пока куда он поедет, но уже интуитивно склонялся к северному маршруту. Вроде как там не сильно обжитое место. Несколько наполовину заброшенных деревень, дворов в десять-пятнадцать. Рассудок был чист, а лишние мысли сразу же выдувало в открытое окно. Радио еле слышно, что-то пело, но больше для фона, чтобы чем-то разбавить шум двигателя. Бимену не нравилось, когда музыка орет так, что себя не слышно, тем более за рулем. «Интересно, – думал он. – Кого в попутчики я бы сейчас взял?»

Вариант №1: Грудастая длинноногая девица.

Во-первых, что толку, что она с такой привлекательной фигурой? Я же не буду смотреть на нее всю дорогу. Нет, не буду. Безусловно, мне будет приятно, что обладательница таких умопомрачительных холмов и впадин сидит рядом, но кроме этого, плюсов больше нет. Да и поговорить с такими не о чем.

Вариант №2: Парень, путешествующий автостопом.

Тоже не самый лучший экземпляр человеческой особи. Сто процентов, что это вонючий зануда, который начнет хвастаться какими-нибудь достижениями.

Вариант №3: Семейная пара.

Ну, эти вообще могут маньяками оказаться. Будут сзади

меня сидеть и шушукаться, или обсуждая меня или, замышляя, что-то коварное.

Последний поворот остался позади, и колеса машины выехали на трассу федерального значения. Тут можно было немного расслабиться, сильно оживленного движения нет, опасных поворотов, или населенных пунктов тоже не предвиделось. Ближайшие полчаса точно. Можно было насладиться хорошей скоростью, и дать просрать движку. Если бы не одно «НО» – год выпуска. Через пару месяцев можно задувать выхлопной трубой тридцать три свечки на праздничном пироге. Возраст Христа. Любое авто, доживая до этих лет, переосмысливает прожитую жизнь, и начинает готовиться или к путешествию в музей, или в шаловливые руки какого-нибудь подростка. Который первым делом, вместо того, чтобы отрегулировать двигатель и подварить днище, спиливает крышу, делая кабриолет. Устанавливает невероятно громкую магнитолу, с сабвуфером в багажнике, и естественно перекрашивает в двух или трехцветный окрас. У этой машины была судьба другая. Она будет работать на пасеке, пока не прогниет насквозь, после чего ее заварят, и она дальше будет ездить. Крейсерская скорость в девяносто километров в час нашего героя вполне устраивала. Насиловать свою старушку он не собирался.

Бимен ехал, и внимательно прислушивался к окружающей обстановке, в поисках новых пчел. Раньше, чтобы поймать рой нужно было обладать изрядной долей везения. Зато

теперь он их не просто слышал, или чувствовал, где-то внутри, появлялись непонятные вибрации, по которым определялось наличие медоносного летного состава, находящегося в пределах прямой видимости. Сейчас вибраций не было практически никаких, и эта пустота внутри была схожей с потерей близкого друга, который несколько лет жил рядом с тобой, а потом уехал. Он забрал с собой частичку тебя, поэтому его не хватает, поэтому так грустно и не можешь найти себе место. В такие моменты Бимен искал утешение в работе, что-нибудь делал своими руками. Что угодно, лишь бы не сидеть без дела, но за рулем-то особо не порукодельничаешь. Он покрутил рукоять настройки волны приемника, вначале в одну сторону, потом медленно в другую. Прослушав, все, что предлагали ди-джеи, решил вообще выключить радио принимающее устройство. На горизонте показалось что-то темное, находящееся на его полосе движения. «Ну, наверное, какой-то попутчик» – подумал водитель древнего авто. И правда, человек двигался по тому же пути следования, что и он, но гораздо быстрее пешехода, потому, что ехал на велосипеде, на хорошем дорогом велосипеде. Пчеловод обогнал его, объезжая подальше – от этих людей всего можно ожидать, и продолжил движение по заданному маршруту.

«Попутчики появляются неподалеку от сел и деревень, ну или тех мест, куда можно доехать, – после недолгих умозаключений догадался он. – Придется потерпеть, хотя, признаться откровенно, я согласен даже на вариант №2, можно

послушать нудню или хвастовство какого-нибудь придурка». Бимен тут же осекся и принялся рассуждать:

– Если я положительный герой, могу ли я ругаться на людей, дразнить их, и считается ли это злыми поступками? Хорошо, вслух никого обзывать не собираюсь, но мысленно, могу ли я назвать придурком какого-нибудь идиота, или же предложить ему поцеловать себя в задницу? Нет, безусловно, будет неприятной ситуацией, когда я подумаю, а пчелы выполнят мой приказ буквально. Поэтому надо контролировать свои мысли. И все же, получается, что если не представлять никаких действий, то можно мысленно, или вслух, но не громко конечно, называть людей так, как они того заслуживают в той или иной ситуации. Вот и ладно, вот и договорились, а теперь немного развлечемся. Пора немного поиграть.

Суть дорожной игры заключалась в озвучивании того, что происходило сейчас, в чудовищно-ужасной песне собственного, моментального сочинения. Мотивом для музыкальной композиции обычно служила песня группы «Ленинград». Под эту мелодию можно спеть все, что угодно.

Я поехал пчел ловить, буду я их всех любить.
На дороге никого, кроме педа одного.
Он не педик он педал. Педали педалировал.
Попой крутит не спеша, ишь как булки накачал.
Дальше путь я свой держу, я пою и громко ржу.
Будет кто-нибудь еще – я спою и про него.

Вот навстречу едет Зил – за рулем сидит дебил.
За дебилом едет лось. Он погнул вторую ось.
За лосем какой то пень. Пень в дороге целый день.
Рядом с ним сидит жена. Все! Спокойствию хана.
Он бы задушил ее, и по-тихому утек.
Получил потом бы срок, ждал бы в камере звонок.
Дальше еду я опять, надоело мне орать.
Надоело мне орать, буду песню прекращать.
Супер, супер, супер гуд! Все нормально, супер гуд!
Супер, супер, супер гуд! Все нормально, супер гуд!

Настроение заметно улучшилось, к тому же безлюдный пейзаж стал меняться – появились небольшие домики, с палисадниками и огородами. Возле некоторых блуждали куры или гуси. «Хорошо, что деревня не на трассе находится, а чуть поодаль, а то обязательно курицу бы задавил. Знаю я, как они любят выскакивать перед машинами, – подумал заметно оживившийся супергерой. – Так! – размышлял он дальше. – Если есть гуси, значит должен быть где-то недалеко водоем, а открытую воду всегда любят пчелы».

Но как быстро селение началось, также быстро оно и закончилось. «В следующий раз, когда очередной поселок буду проезжать, скорость сбавлю, чтоб рассмотреть все внимательней, может, почувствую что, или кого» – продолжались внутренние размышления.

Вместо поселка оказался съезд налево, а рядом с дорогой стоял старый указатель. «Майский» – было когда-то напи-

сано на новой красивой табличке, сейчас же там остались только части букв. «О, то, что надо, – промелькнуло в голове. – Дальше от цивилизации, ближе к природе. Даже если не найду ничего, грибов наверняка насобираю». Автомобиль притормозил, пропустил встречу, и, вывернув колеса влево, съехал на примыкающую к трассе грунтовую дорогу.

Откровенно признаться, дорогой это можно назвать с натяжкой, хотя словосочетание грунтовая дорога уже изначально какое-то обманчивое. Грунт это земля. Значит земляная дорога, дорога на земле, или из земли. А то, по чем сейчас двигался искатель пчел, больше напоминало две тропинки, идущие параллельно друг другу. Видно было, что деревня почти заброшенная, а может и не деревня это, а дорога на поле, где траву заготавливают. Отбросив все сомнения, сев поближе к рулю, и включив вторую передачу, путешественник не спеша катился к своей заветной цели.

Порыв ветра закружил пыль, поднятую колесами, и бросил ее в раскрытое окно, после чего из салона послышался кашель, и окно тут же закрылось. А автомобиль переключился на третью передачу, и, следуя поговорке «больше скорость – меньше ям», уже не так лениво двигался, а весело покачивался, подпрыгивая на кочках и ухабах.

После десяти минут болтанки, водитель начал было подумывать о том, что бы повернуть назад, в противном случае, его голова могла просто оторваться. Но отступать было поздно, дорога все-таки должна куда-то вывести. Хоть куда.

И, хвала небесам, впереди показался лес, возле которого была развилка. Один путь вел в самую чащу, к кровожадным комарам, а другой, пролегая в тени деревьев, вел в селение, расположенное прямо на опушке леса. Дорога делила деревню на две половины, расположенные друг напротив друга. На одном краю был пруд, на другом лес. Хотя, на самом деле он окружал деревню до самого пруда. В лес решено было потом, как-нибудь съездить, а сейчас надо выяснить состояние поселка, к которому приближался автомобиль нашего героя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.